

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. Б. ГРЕКОВ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
И УПАДОК
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(на рубеже XIV—XV вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Итак, созданное в 1396 г. Епифанием Премудрым «Житие Стефана Пермского» (в связи со смертью Стефана, последовавшей в том же году [41, XI, 164]) представляло собой весьма любопытное явление идеологической жизни рассматриваемого времени. Исследователи давно обращали внимание на якобы парадоксальную внутреннюю противоречивость этого памятника: с одной стороны, здесь были довольно резкие выпады против Москвы [35, 138, 160], а с другой — присутствовала широкая общерусская платформа, в которой подчеркивалось высокое значение Киева как центра русской земли, отмеченное еще Андреем Первозванным, а также роль Киева как звена, связывавшего греческое православие с народом Перми, Русь Южную с Русью Северо-Восточной. Здесь же имели место не только вполне понятное восхваление самого Стефана Пермского, но и апологетика митрополита Киприана, который, несмотря на близость и симпатии к Стефану, умершему в Москве, оплакивал его смерть не в главном городе Владимирского княжения, а все в той же столице древней Руси — Киеве.

происшедшего в 1395—1396 гг. перемещения главной политической опоры «триумvirата» из Москвы в Литовскую Русь создавалась новая расстановка сил. Киприан, Витовт и Василий встали на путь сближения с Тохтамышем, находившимся после 1395 г. то в Литве, то в Крыму, в частности в Кафе. Этой политической группировке тогда в Восточной Европе противостояли рязанские и смоленские князья, находившие поддержку сначала у Тимура, а потом у его ставленника Едигея. Именно при такой политической конъюнктуре было вполне естественным для «Сказания» как явное и скрытое осуждение противников «триумvirата» (явное осуждение Рязани, ордынской державы, скрытое — польского короля Ягайло), так явное и скрытое одобрение политики его союзников (явная апологетика литовско-русских князей Ольгердовичей; положительная, но более сдержанная оценка поведения московского князя, замаскированная реабилитация Тохтамыша и Кафы).

Довольно существенным как для датировки «Сказания», так и для уточнения ее идеологической направленности представляется также сообщение ряда летописей под 1397 г. о поездке Андрея Ослебя в Царьград к императору и патриарху [46, 136; 47, 166; 48, 228]. С. К. Шамбинаго, кроме того, установил, что А. Ослебя упоминался как боярин Киприана в 1390—1393 гг. в Лаврском обиходнике [423, 177]. Эти данные подтверждают не только полную историчность упомянутого иерарха, по происхождению западнорусского феодала, потом, возможно, участника Куликовской битвы и митрополитского боярина, теперь же — видного дипломата киприановской школы, но, по нашему мнению, и «историчность» самого «Сказания» относительно данного этапа политической жизни Восточной Европы.

Восстановление общерусских тенденций в идеологической жизни феодальной Руси второго и третьего десятилетий XV в.

Утвердившаяся в Троицкой летописи концепция обособления земель Владимирского княжения под эгидой Москвы оказалась неприемлемой для идеологов других центров «русской земли». Ей не сочувствовали сотрудничавшие с Киприаном «общерусские» идеологи Западной Руси, ее не приняли и во многих городах Северо-Восточной Руси, прежде всего в Ростове, Великом Новгороде, Твери.

Мы знаем, что ростовская кафедра, возглавлявшаяся в 1396—1416 гг. единомышленником Киприана епископом Григорием, оказалась центром пассивного сопротивления идейной платформе Троицкой летописи: в Ростове, как справедливо считал А. А. Шахматов, не только сохранялась основная часть литературного наследия Киприана, но и велась летописная работа в прежнем общерусском «киприановском» направлении [427, 225—228]. Мы знаем также, что и тверское летописание не только осудило идейную платформу Троицкой летописи, но и попыталось противопоставить ей свой конструктивный вклад в понимание прошлого русской земли вообще и Владимирского княжения, в частности. Следы этой интенсивной работы тверских летописцев той поры мы находим теперь в Симеоновской летописи за 1390—1412 гг., в Рогожском летописце, а также известном Тверском сборнике.

Не принятой оказалась концепция Троицкой летописи и летописцами Великого Новгорода. Это видно как из упреков самой Троицкой летописи в адрес новгородцев [60, 438—439], так и из общерусской платформы новгородского летописания первой половины XV в. [427, 154—155, 157; 323, 143—144; 264, 447—450].

Однако генеральное переосмысление концепции Троицкой летописи следует связывать с литературно-идеологической деятельностью митрополита Фотия (1410—1418 гг.), когда был создан общерусский летописный свод — так называемый Полихрон Фотия (1418 г.). Разумеется, его создание не было заслугой одного митрополита. Следуя запросам политической жизни Руси второго десятилетия XV в., Фотий строил свою работу на

использовании литературных «заготовок» как своих предшественников, так и современников. В частности, он многое восстановил из того, что было сделано летописцами еще при Киприане и отброшено Троицкой летописью; он многое взял и из того, что создавалось при нем в таких идеологических центрах Владимирского княжения, как Тверь, Ростов, Великий Новгород и, наконец, Москва.

Так, говоря о преодолении концепции Троицкой летописи и утверждении общерусской платформы Полихрона Фотия, нельзя не отметить в этом процессе роли тверского летописания и, в частности, особого значения такого интересного и важного памятника, по-видимому, тверского происхождения, каким была пространная «Повесть о нашествии Едигея»⁶⁴.

Хотя этот памятник давно привлекал внимание исследователей, тем не менее до сих пор остается дискуссионным вопрос о месте и времени создания его первоначального варианта. Повод для полемики по этому вопросу дал еще Н. М. Карамзин, в руках которого, как известно, была Троицкая летопись, сгоревшая во время московского пожара 1812 г. В примечаниях к пятому тому своей «Истории Государства Российского» он заметил, что «описанием Эдигеева нашествия заключается хартейный Троицкий летописец» [229, V, прим. 207].

Одни исследователи, в частности, А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев, считают, что Карамзин этой фразой прямо указал на присутствие в Троицкой летописи «Повести о нашествии Едигея», другие историки, прежде всего М. Д. Приселков и Л. В. Черепнин исходят из того, что Троицкая летопись завершалась сравнительно кратким изложением военной кампании Едигея конца 1408 г., но не содержала самой пространной «Повести».

Подготовленная всем ходом внутреннего развития феодальной Руси, оправданная определенными тенденциями политической борьбы на международной арене, эта программа Фотия ставила перед собой задачи восстановления единства русской церкви, а вместе с тем и задачи консолидации всех княжеств русской земли перед лицом общих противников как на востоке, так и на западе.

Особенностью общерусской программы Фотия тех лет было то, что главной опорой объединения русских земель она признавала Владимиро-Московскую Русь (в третьем десятилетии XV в. Фотий считал центром консолидации русской земли Литовскую Русь).

Не удивительно поэтому, что идеологическая деятельность Фотия 1410—1418 гг. оказалась связанной с попытками реализации общерусской программы на базе признания лидерства Владимирского княжения, с почти полным игнорированием Троицкой летописи, созданной, как мы знаем, в годы искусственной самоизоляции Московской Руси, а также с интенсивным использованием киприановской летописной работы конца XIV — начала XV в., осуществлявшейся, как известно, в рамках широкой концепции общерусского плана.

Разумеется, Фотий не пренебрегал теми сюжетами Троицкой летописи, которые фиксировали отдельные моменты из истории отношений Царьграда с русской церковью⁶⁵, сюжетами, которые сообщали о борьбе стран Восточной Европы с Тохтамышем, Тамерланом и т. д. (не пренебрегал по той простой причине, что эти сюжеты сам создатель Троицкой летописи «некритически» воспринял у своего предшественника Киприана). Что же касалось тех текстов «Полихрона», которые фиксировали основные этапы развития московско-литовских отношений, отражали попытки создания широкого антиордынского фронта русских княжеств на базе общерусской программы, то в этих случаях Фотий действительно игнорировал Троицкую летопись и восстанавливал все то, что было создано в последнем десятилетии XIV — начале XV в. под руководством Киприана.